

Мельком пролистав самое начало, судья отложила в сторону пухлую папку, так и не прочитанную за хронической нехваткой времени. Дело, впрочем, обещало быть простым. Сколько уже таких прошло через её руки с тех пор, как маятник качнулся, и все вдруг вспомнили о том, что у них, оказывается, есть права. Особенно те, кого среди добывавших эти права с оружием в руках почему-то не наблюдалось. В том числе эти вот...

Судья недоумённо оглядела сидящую перед ней парочку. На множество своих предшественников те решительно не походили. Видные же мужики, высокие, мощные, с бугрящимися даже сквозь рукава мышцами, лица как в рекламе турснаряги, и чего им, здоровенным лбам, не хватает? С блондинчиком она и сама бы охотно зажгла в иных обстоятельствах. Впрочем нет, конечно, ему же милей накачанная задница товарища.

— Итак, вам отказали в государственной регистрации брака и вы хотите добиться пересмотра этого решения через суд.

«Опять, небось, у какой-то мелкой сошки, не попавшей по мелочи своей под люстрацию, синдром вахтёра разыграл» — думала она, бубня в стенографер «параграфа 5 статьи 4», «каждый дееспособный гражданин» и прочие полагающиеся по случаю наизусть заученные фразы. — «А всё-таки, до чего жаль, что он голубой! Нет в этом мире справедливости, подруга, хоть ты в лепёшку расшибись, эту самую справедливость в нём наводя. И так мужиков после войны на всех не хватает (особенно на тебя, такую всю из себя правильную), а они ещё и друг с другом.»

— ... гарантированное законом право, как люди, чьи индивидуальные сексуальные особенности подтверждены медицинским свидетельством от... — Судья запнулась и, не желая ворошить бумаги, посмотрела блондину в глаза. — Медицинским свидетельством от?

— Понимаете, Ваша честь, — прогудел блондин (басом, разумеется, басом!) — дело в том, что мы с Сашкой не геи. Мы нор... мм... в смысле, обычные мы.

— Не геи? Упс! Но тогда что же вы мне тут... В смысле, зачем это вам?... — её взгляд растерянно забегал с одного несостоявшегося молодожёна на другого.

— Понимаете, — (бархатным таким баритоном!) откликнулся шатен Сашка, — мы всю жизнь вместе были, с детсада, и в школе, и в училище в общаге, призвались в один день, две войны один пулемёт таскали («Ого! А ты, подруга, небось думала, что эти лапицы под маникюрные ножницы заточены? «), сейчас вот общий бизнес у нас, квартиры рядом купили...

— Би-изнес? — протянула она. — А вам, извините, не приходило в голову, что семейное законодательство не предназначено для цементированья общего бизнеса? Вам что, не хватает денег на нормального консультанта договор составить? Квартиры они рядом купили!

— Да нет же, Ваша честь! — включился в диалог блондин. — Я Сашке и безо всяких договоров верю, как самому себе. Он мне жизнь несколько раз спасал, и я ему тоже. У меня вообще во всём мире никого ближе нет. Мы с детства всё на двоих делим, даже тё... мм...

— («Ой») Продолжайте уж, чай, не старые времена.

— Даже женщин обычно вдвоём. Того. Хоть одну, хоть троих («Ой! «). И общее хозяйство ведём уже несколько лет как. По факту. Завещания друг на друга написали, чтоб если что. Но.

— Но?

— Понимаете, — продолжил шатен, — работа у нас довольно опасная. Мы ж сами водим, не в

офисе сидим. А там, там много чего случиться может.

— Прошлым летом Сашка, спасая клиента, в госпиталь загремел — перебил его блондин. — Три дня в коме провалялся, экстренное-то ему, конечно, сделали, а дальше требуют согласие на операцию, а кто его подпишет? Родители чёрти-где далеко, я формально никто. Партнёр типа. Деловой. А Сашка без сознания, а время уходит.

— Так и умер бы я там, — подключился Сашка, — если бы Мишка не посулил этому лепиле, что на лбу ему подпись пос...

— Стоп, гражданин! Вы не забыли, где находитесь? («Этот Мишка, пожалуй, так поставит, что следующей будет подпись судмедэксперта»)

— Ну так я говорю, умер бы я там. И кому бы гарантированная доля досталась? Родакам? Они с радостью сделают всё, чтоб наше дело развалить. Не одобряют, видите ли. А у нас, между прочим, вся клиентура из Союза, а это, между прочим, валюта, так необходимая молодой Республике, закон мы не нарушаем и даже наоборот...

— Это ваше дело имеет какое-то отношение к рассматриваемому делу?

— Нет, Ваша честь.

— Тогда давайте вернёмся к последнему и не будем тратить зря время. Развели тут латиноамериканскую трагедию на пустом месте, небось ещё и обжаловать пойдёте, когда я вам откажу (а я откажу), и это вместо того, чтобы просто взять и притвориться перед медиками. Вам что, поцеловаться трудно? Ребята вы, я вижу, без комплексов, раз троих вдвоём...

— Ваша честь!

— ?

— Мы что, для того хрисламаистов били, чтобы потом врать? Своей родной Республике?

— Нет. Вы воевали не для того, чтобы врать. А я воевала не для того, чтобы нарушать закон. Свободны.

И был одинокий вечер, и была ночь, и недопитый бокал на подоконнике отбрасывал лунную тень на разметавшуюся в постели судью. Во сне её крутили, вертели по-всякому и ставили в разнообразные позы могучие руки сильных мужчин, которым и троих на двоих не в новинку.